

КУЛАГИНА Ирина Юрьевна,
*профессор кафедры возрастной психологии
Московского государственного
психолого-педагогического университета,
кандидат психологических наук,
почетный работник высшего профессионального
образования Российской Федерации*

ВОСПРИЯТИЕ КОНЕЧНОСТИ ЖИЗНИ И СТРАХ СМЕРТИ КАК ПОТРЕБНОСТНО- ВОЛЕВЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ В МНОГОМЕРНОЙ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ В.Ф. МОРГУНА

В монистической концепции многомерного развития личности, разработанной В.Ф. Моргуном, выделены пять инвариантов личности, в числе которых – потребностно-волевые переживания (*пристрастность*, по А.Н. Леонтьеву) человека. Как отмечает автор, переживания «задаются противоречием между жизнью индивида (удовлетворением потребностей) и смертью (блокировкой или прекращением обмена веществ, энергии и информации организма со средой)» [2, с. 29]. В связи с этим представляет интерес *проблема отношения к смерти, восприятия конечности жизни и страха смерти как особого переживания.*

Достаточно распространенной точкой зрения являются представления о том, что страх смерти сопровождает весь жизненный путь человека, появляясь в детстве. В то же время существует и другая позиция, предполагающая возникновение тяжелых переживаний лишь в старости, при неудовлетворенности прожитой жизнью и невозможности ее изменить (Э. Эриксон). Возможность принятия окончания жизни создается наличием смысла жизни на протяжении жизненного пути и реализацией жизненного замысла (Ф.Е. Василюк) в наиболее продуктивном возрастном периоде – зрелости. Как отмечает Моргун, «зрелая личность систематически рефлексировывает свою жизнь и деятельность, ведущие мотивы, анализирует сделанное, извлекая из него уроки, решает, на что конкретно тратить оставшееся время, еще раз совершенно по-новому осознает свою смертность» [3, с. 60].

Рефлексия, сопровождающая жизненный путь взрослого человека, и переживание экзистенциальных проблем обычно связаны

с определенными событиями – внешними и внутренними (Ш. Бюлер). Осмысление проблемы в этот период и соответствующее переживание могут приводить к изменению отношения к жизни и смерти, переходу из повседневного в онтологический модус (М. Хайдеггер). «Живя в онтологическом модусе, мы не только лучше осознаем бытие, смерть и другие неотъемлемые свойства жизни, но и приобретаем больше желания и возможности значительно изменить мир. Мы готовы взять на себя основную задачу человека – построить истинную жизнь, наполненную смыслом, деятельностью, основанную на чувстве связанности с людьми и ведущую к самореализации» [6, с. 48]. Поэтому И. Ялом переживание, связанное со «столкновением со смертью», называет *пробуждающим*.

Коснемся двух вопросов. Первый из них: потребностно-волевые переживания, сопровождающие осознание конечности жизни, зависят исключительно от особенностей индивидуального жизненного пути, или существуют некоторые общие тенденции? Как показало проведенное недавно эмпирическое исследование [1], наиболее выраженной является региональная специфика, т.е. зависимость отношения к смерти от культурно-исторических условий и традиций. Возрастные и гендерные различия проявляются по-разному в разных регионах.

Высоко принятие конечности жизни, которое можно назвать оптимистичным отношением к данной экзистенциальной проблеме, в Италии, в среде Римской интеллигенции. При этом гендерных различий не наблюдается, а от юности к зрелости принятие окончания жизни усиливается.

Потребностно-волевые переживания, связанные со смертью, в среде интеллигенции Москвы и Еревана, на территории постсоветского пространства, имеют иную эмоциональную окрашенность. Популяционная динамика показателей позволяет определить общие возрастные тенденции: и в Москве, и в Ереване от юности к зрелости усиливается непринятие конечности жизни. Если в Москве для юности характерно оптимистичное отношение (невысокого уровня) к экзистенциальным проблемам, а в зрелости оно становится амбивалентным, то в Ереване и в юношеском, и в зрелом возрастах оно амбивалентно, и его уровень снижается с возрастом. Выраженными являются гендерные различия. Появление амбивалентного отношения к смерти в Москве обусловлено утратой юношеского оптимизма мужчинами. Нарастание амбивалентного отношения к смерти в Ереване происходит, напротив, за счет женской части выборки.

Второй вопрос: если возникновение страха смерти в значительной мере обусловлено неудовлетворенностью пройденным жизненным путем, удовлетворение каких потребностей стоит за позитивными потребностно-волевыми переживаниями? Видимо, необходимо, в первую очередь, удовлетворение двух потребностей – потребности быть самим собой и в согласии с миром (Э. Фромм), и потребности быть личностью (А.В. и В.А. Петровские). Кратко остановимся на последней.

Потребность быть личностью, согласно Петровским, – это потребность существовать в других людях, отразиться в них и вложить в них частицу своего Я. Без возможности оставить след в душе другого человека, без жизни в других нет личности. С удовлетворением этой потребности связан феномен идеального бытия человека – «отраженной субъектности». В. Петровский определяет отраженную субъектность как «бытие кого-либо в другом и для другого. Смысл выражения: «человек отражен во мне как субъект» – означает, что я более или менее отчетливо переживаю его присутствие в значимой для меня ситуации... Отражаясь во мне, субъект выступает как активное, деятельное начало, изменяющее мой взгляд на вещи, формирующее новые побуждения, ставящее передо мной новые цели; основания и последствия его активности не оставляют меня равнодушным, значимы для меня» [5, с. 180]. Отраженная субъектность проявляется в трех формах и, одновременно, на трех уровнях.

Первый уровень – *запечатленность субъекта в эффектах межиндивидуальных влияний*. На этом уровне возможно не только направленное влияние одного человека на другого (социальное влияние, власть), но и ненаправленное, в частности, фасилитация – изменение эффективности деятельности человека благодаря контактам (реальному или воображаемому взаимодействию) с другим. Хотя это простейший уровень, но здесь важен образ значимого другого человека, который создается при общении с ним.

Динамика потребностно-волевых переживаний, касающихся экзистенциальных проблем, требует более высокого уровня проявления отраженной субъектности. Второй уровень обозначается как *«идеальный значимый другой»*. Значимый другой становится частью жизненного мира человека, не поглощая его полностью, не сливаясь с Я, но становясь силой, действующей в личности и оказывающей влияние на личность. Жизненный мир человека включает два полюса – Я и Другой во мне.

Третий уровень – «*претворенный субъект*». На последней, высшей ступени отраженный значимый другой настолько глубоко проникает в жизненный мир человека, что Я определяется им, и становится крайне сложно установить особенности слияния двух Я, неотделимых друг от друга. Идеальный значимый другой или претворенный субъект может быть реальным близким человеком, но может быть – ушедшим из жизни, но продолжающим влиять на отношение к миру.

Удовлетворенность жизнью и принятие ее конечности предполагают осознание феномена отраженной субъектности, в том числе возможности своего присутствия в других (тем самым – продолжения жизни!) за гранью своего физического существования. Взрослый или пожилой человек стремится «отразиться» в своих детях. Но идеальным значимым другим (иногда даже претворенным субъектом) может стать и супруг, и близкий друг, и ученик, тем самым удовлетворяя потребность взрослого (пожилого) человека быть личностью.

Следует напомнить и близкое к «отраженной субъектности», но более широкое понятие Ялома – «волновой эффект». «Речь здесь идет о том, что каждый человек, не зная и не думая об этом, распространяет вокруг себя концентрические круги влияния, которое может затрагивать других людей на протяжении многих лет, из поколения в поколение. Это влияние в свою очередь передается от одних людей к другим, как рябь на поверхности пруда... Мы можем, пусть и без нашего ведома, оставить где-то частичку самих себя» – в своих детях, в своих друзьях, в творческих достижениях и т. д. Волновой эффект – это «продолжение своего существа, возможное благодаря заботе, помощи и любви, которую мы даруем другим людям» [6, с. 108, 111].

Об этом и строки из стихотворения Владимира Моргуна «Почему любят люди?» [4, с. 11]:

*«...Почему любят люди? Одиночество – прочь!
Чтобы смерть навеки в детях превозмочь...»*

Литература

1. Кулагина И.Ю. Отношение к смерти: возрастные, региональные и гендерные различия / И.Ю. Кулагина, Л.В. Сенкевич // Культурно-историческая психология. – М., 2013. – № 4. – С. 58-64.
2. Моргун В.Ф. Концепция многомерного развития личности и ее приложения / В.Ф. Моргун // Философская и социологическая мысль. – К., 1992. – № 2. – С. 27-40.

3. Моргун В.Ф. Проблема периодизации развития личности в психологии / В.Ф. Моргун, Н.Ю. Ткачева. – М.: Издательство Московского ун-та, 1981. – 84 с.
4. Моргун В.Ф. Октава любви: избранные стихотворения / В.Ф. Моргун. – 2-е изд. – Полтава, 2017. – 12 с.
5. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В.А. Петровский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
6. Ялом И. Вглядываясь в солнце: жизнь без страха смерти / И. Ялом. – М.: Эксмо, 2012. – 352 с.